

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО В ОППОЗИЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Особый интерес к политическому масонству у современных историков не случаен. Он объясняется тем, что в СССР долгие годы данная тема находилась под идеологическим запретом. Над авторами же из эмигрантской среды довлела боязнь затронуть в своих работах лиц, оставшихся после октября 1917 г. в России, либо занимавших видные места в общественной и политической жизни эмиграции, где причастность к масонству могла быть использована их политическими противниками [1, с. 24]. Обращение советских исследователей к масонской проблеме в 70-х гг. XX в. происходит после выхода книги Н.Н. Яковлева «1 августа 1914 г.» [2]. В ней автор приписал масонству роль руководящего центра буржуазии и изобразил свержение царизма как результат масонских козней. Материалы для книги Н.Н. Яковлеву были предоставлены КГБ, стремившемуся идеологически оправдать преследования диссидентов, которые якобы, как и масоны начала века хотели разрушить российское государство [3, с. 10].

Следует отметить, что трактовка Н.Н. Яковлевым событий 1917 г. не была новой. Он фактически повторил измышления черносотенцев об исключительно разрушительной роли масонства накануне Февральской революции в России, нашедшие также отражение в эмигрантской литературе. Еще в 1931 г. С. П. Мельгунов в книге «На путях к дворцовому перевороту» пришел к выводу о существовании масонского заговора против российской монархии [4]. По замечанию А.И. Серкова труд Мельгунова сыграл крайне негативную роль в становлении исследовательской работы по проблеме российского масонства, т. к. он надолго определил изучение его по «памфлетному пути» [5, с. 26]. В 30 – 60-е гг. XX в. тема масонского заговора получила развитие в трудах Г.Я. Аронсона, Б. Элькина, Н. Смита, Л. Хеймсона и др. [6, с. 17-18]. Законченный вид она обрела в книге Г.М. Каткова о Февральской революции, вышедшей в 1967 г. [7].

Несколько в стороне от вышеупомянутых работ стоит исследование П.А. Бурьшкина. Его рукопись не была опубликована и хранится в разных местах. Отрывки из работы Бурьшкина в широкий научный оборот ввел А.И. Серков. Особую ценность им придает то, что автор каждую написанную главу выносил на обсуждение масонов. В результате он пришел к заключению, что масонского заговора не было, но масонские ложи имели определенное влияние на события, предшествовавшие февральскому перевороту 1917 г. [5, с. 35]. Примерно той же точки зрения придерживался и Б.И. Николаевский, сводивший роль масонской организации до относительно скромной роли одной из многих политических групп [8, с. 13].

Как уже отмечалось, после выхода книги Н.Н. Яковлева усилился интерес к российскому политическому масонству и у советских историков. В 70 – 80-е гг. XX в. разработкой данной проблемы занимались Б.Ф. Ливчак, В.И. Старцев, И.И. Минц, О.Ф. Соловьев, А.Я. Аврех, В.Я. Бегун, Л. Замойский и др. [9, 10]. Исследователей писавших о российском масонстве начала XX в. можно разделить на несколько групп. Часть из них видела в концепции Яковлева чуть ли не возрождение черносотенной легенды о всемирном масонском заговоре, подвергала сомнению сам факт существования политического масонства в России в годы Первой мировой войны, или, по крайней мере, отрицала его сколько-нибудь значительную роль в февральско-мартовских событиях 1917 г. (И.И. Минц, О.Ф. Соловьев, А.Я. Аврех). Другая группа исследователей признавала определенные заслуги масонов в свержении царизма (Б.Ф. Ливчак, В.И. Старцев). Третьи, фактически придерживались теории заговора (В.Я. Бегун, Л. Замойский).

Дискуссию по масонскому вопросу подхлестнула вышедшая в 1986 г. книга Н.Н. Берберовой «Люди и ложи», в которой автор хотела показать всеохватность масонской организации в России накануне Февральской революции [11]. В последующие годы исследователи, однако, обратили внимание на то, что работа Берберовой является скорее не историческим трудом, а журналистским повествованием [5, с. 42-43].

Новой страницей в исследовании истории российского масонства стали работы польского историка Л. Хасса, предпринявшего попытку объективно проанализировать деятельность масонов в России начала XX в. [1, 12]. В 1990-х гг. углубленное научное изучение масонской темы продолжали Д.А. Андреев, С.П. Карпачев, В.Н. Егошина, И.С. Розенталь, В.С. Брачев и др. [6, 13]. Наиболее крупные работы принадлежат перу О.Ф. Соловьева, В.И. Старцева и А.И. Серкова, всесторонне, на основе широкого круга источников, проследивших историю российского масонства в начале прошлого века [5, 14, 15]. В 2001 г. вышел энциклопедический словарь по масонству в России XVIII – XX вв., подготовленный А.И. Серковым. Книга представляет собой справочник по истории российского масонства, в который вошли биографии более 12 тыс. вольных

каменщиков, списки всех масонских лож, словарь масонских терминов. Масонству начала XX в. в словаре уделено достаточно внимания [16].

В Беларуси деятельность местных масонских лож в указанный период получила освещение в статьях А. Смалянчука и Н.С. Сташкевича [17, 18].

Россия была одной из первых стран, где возникли масонские общества. Первые достоверные сведения о российских «вольных каменщиках» относятся к 1731 г. [14, с. 30]. Бурного расцвета масонство в России достигло в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв., когда членами ордена стали многие видные культурные, общественные и политические деятели эпохи Екатерины II и Александра I.

Указом 1822 г. российское правительство запретило существование тайных обществ, в т. ч. и масонских лож. Отдельные их члены продолжали, однако, собираться до середины XIX в. В дальнейшем российские подданные принимали участие в деятельности иностранного, главным образом, французского масонства. Из Франции же масонство внедрялось в общественно-политическое движение в России начала XX в. К концу 1901 г. в ложи «Великого Востока Франции» (ВВФ) и других французских орденов было принято от 10 до 15 русских либеральных интеллигентов [15, с. 41].

Первоначальное ядро возрождающегося российского масонства составляла группа лекторов и руководителей Русской высшей школы общественных наук, существовавшей в 1901 – 1905 гг. в Париже [8, с. 18; 14, с. 168]. После амнистии последовавшей вслед за Манифестом 17 октября 1905 г. многие из российских эмигрантов-либералов получили возможность вернуться на родину. Непосредственно перед этим в столице Франции 18 русских масонов были сведены в две ложи – «Космос» и «Гора Синай», подчинявшихся соответственно «Великому Востоку Франции» и «Великой Ложи Франции» (ВЛФ) [15, с. 44]. В 1906 г. возвратившиеся из эмиграции масоны создали под эгидой ВВФ масонские ложи и на территории России. Главным вдохновителем возрождавшегося российского масонства в этот период был М.М. Ковалевский, получивший специальные полномочия от Совета «Великого Востока Франции». 15 ноября 1906 г. он в Москве создал ложу «Возрождение». Через несколько дней в Санкт-Петербурге была образована ложа «Полярная звезда». Можно согласиться с В.И. Старцевым, который считал, что именно с этого времени следует говорить о нелегальном возрождении масонства в России начала XX в. [15, с. 50]. За два года в обе ложи было принято 35 человек.

В мае 1908 г. делегаты ВВФ официально признали «Возрождение» и «Полярную звезду» [15, с. 65]. В том же году М.М. Ковалевский основал ряд лож, подчинявшихся более консервативной ВЛФ [6, с. 36]. Таким образом, оба направления российского политического масонства остались под контролем французских масонских центров.

Состав новых масонских обществ существенно отличался от лож XVIII – первой четверти XIX вв.: если ранее масонами становились преимущественно аристократы, то в начале XX в. – представители либеральной интеллигенции. Ложи «вольных каменщиков» включали в свой состав членов различных умеренных и левoliberalных партий: кадетской, демократических реформ, мирного обновления, «Союза 17 октября» и др. Доминировали в масонском движении конституционные демократы, представлявшие около 25% адептов масонских организаций [6, с. 47]. Среди масонов было много и беспартийных. Численность членов лож быстро росла. Общее количество масонов в России в 1907 – 1909 гг. определяется специалистами в 100 человек. Фамилии 94 из них подтверждаются документально [6, с. 47; 15, с. 84]. К концу 1909 г. в системе ВВФ в России

действовало около 8 масонских лож: 3 в Санкт-Петербурге, 2 в Москве, по 1-й в Киеве, Нижнем Новгороде и Одессе [1, с. 29; 17, с. 52]. В историографии существуют и более высокие оценки численности российских масонских организаций в этот период [5, с. 96; 6, с. 39].

Развитие масонского движения потребовало создания специальных органов для координации деятельности различных лож. В ноябре 1908 г. состоялся первый съезд масонов России в Санкт-Петербурге. На нем были сформированы два руководящих органа – Верховный совет для руководства деятельностью всех российских масонов (председатель С. Д. Урусов) и Совет 18-ти для «братьев» высоких степеней (председатель Д.О. Бебутов) [6, с. 38; 8, с. 135-136]. Помимо общих масонских лож создавались профессиональные масонские объединения. Так, есть сведения об учреждении в Санкт-Петербурге в 1909 г. «Военной ложи» с участием А.И. Гучкова, В.И. Гурко, А.А. Половцева и еще нескольких высокопоставленных военных [14, с. 183]. Кроме оппозиционных общественных деятелей и политиков предпринимались попытки привлечь к масонству отдельных представителей либеральной бюрократии. Член государственной думы Б.А. Энгельгардт допускал мысль, что видным масоном, в частности, был тогдашний министр иностранных дел А.П. Извольский [19, л. 55].

Переполнение масонских организаций случайными людьми потребовало реорганизации структуры ордена в России. Необходимость данного шага диктовалась и большой прозрачностью российского масонства для полиции. В конце 1909 г. все российские масонские ложи, подконтрольные Великому Востоку Франции, официально «заснули», т. е. прекратили существование. Подобный прием для того, чтобы избавиться от ненадежных членов, издавна практиковался масонами. Уже в 1910 г. группа «вольных каменщиков» во главе с кадетом А.М. Колюбакиным начала воссоздание организации на новых началах. Окончательно новый масонский союз сформировался к лету 1912 г. [5, с. 107]. Кроме представителей лож, прежде подчинявшихся ВВФ, в него вошли ложи Шотландского Устава, организованные М.М. Ковалевским, а также «английские» ложи, основанные Б.С. Ломбардом, настоятелем англиканской церкви при посольстве Великобритании в Санкт-Петербурге [5, с. 107-108].

Новое масонское объединение получило название «Великий Восток народов России» (ВВНР). Первоначально данная организация, как и предшествовавшие ей французские ложи, не была надпартийным политическим обществом. Масон М. Ромер писал в своем дневнике: «Наш Зъвяз – не палітычнае аб'яднанне... Толькі імкненне прытрымлівацца асноўных прынцыпаў чалавечнасці прымушае нас займаць антыўрадавую палітычную пазіцыю» [20, с. 61]. В качестве задач и целей ВВНР в его уставе значилось: «Создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена». Далее говорилось, что «братья» сохраняя свободу политической деятельности, должны стремиться к утверждению и защите прав человека и гражданина [21, с. 129].

Однако активное участие многих масонов в политической жизни империи способствовало эволюции идеологии ВВНР и превращению организации в чисто политическое объединение. В начале марта 1915 г. М.Ромер был вынужден констатировать: «Фактычна мы не выконваем масонскіх абрадаў» [20, с. 65]. К этому следует добавить также отмену системы степеней и изменение принципов приема в ложи [5, с. 109-110; 22, с. 62]. В итоге ВВНР стал политическим союзом, использовавшим в своих целях масонскую структуру и правила конспирации.

В отличие от дореформенного масонства, новое масонское объединение не подчинялось французским орденам. О.Ф. Соловьев проанализировал опуб-

ликованный В.И. Старцевым устав ВВНР [21, с. 129-132], пришел к выводу, что данная масонская организация была создана самостоятельно, без санкции какого-либо иностранного центра, что противоречило основным канонам «вольных каменщиков». По мнению исследователя, никакой зарубежный орден и не разрешил бы открытие лож с «открыто, хотя и расплывчато прокламируемыми политическими целями» [14, с. 221]. Л. Хасс вообще ставит под сомнение масонский характер ВВНР [1, с. 34]. Однако большинство отечественных и российских историков именуют тайное общество, возникшее под его эгидой, не иначе как масонским [5; 6; 14; 15; 17; 18].

Состав лож ВВНР существенно отличался от состава российских лож ВВФ и ВЛФ. Новая масонская организация стала более демократичной. Хотя в ней и сохранилось преобладание кадетов, в то же время, расширилось представительство от социалистических партий. Напротив количество консервативных и даже праволиберальных элементов, в т. ч. октябристов, было крайне незначительным. Масон А.Я. Гальперн в беседе с исследователем Б.И. Николаевским вспоминал, что членов «Союза 17 октября» желавших вступить в масонство «не нашлось и практически вопрос о приеме кого-либо из октябристов вообще не вставал» [8, с. 58]. Таким образом, ВВНР по своему политическому направлению был преимущественно леволиберальной организацией.

Высшим органом российского ордена «вольных каменщиков» был конвент. Согласно уставу он должен был собираться ежегодно, каждая ложа могла делегировать на него своего представителя. В довоенный период состоялось два конвента. На первом из них летом 1912 г. в Москве произошло официальное завершение конструирования новой российской масонской организации. Следующий конвент, собравшись через год в Санкт-Петербурге, принял проект устава ВВНР [5, с. 112-113; 8, с. 53-55, 61]. Также на конвентах происходило избрание высшего исполнительного органа – Верховного совета, важнейшей функцией которого было открытие новых лож и контроль за приемом новых членов. Руководящая роль в Верховном совете, а, следовательно, и во всем ордене, принадлежала его секретарю. Помимо того, что он являлся докладчиком по всем текущим, в т. ч. и политическим делам, через него лидеры ВВНР поддерживали связи с рядовыми ложами. В заведовании секретаря находилась и общая казна российского масонства [5, с. 115; 8, с. 56-57]. Согласно А.И. Серкову данную должность до конвента 1912 г. и в 1915 г. занимал Н.В. Некрасов, с лета 1912 по 1914 г. – А.М. Колюбакин, в 1915 – 1916 г. – А.Ф. Керенский, с лета 1916 г. до конца 1918 г. – А.Я. Гальперн [5, с. 115; 8, с. 56]. Следует отметить, что до конца этот вопрос в историографии не прояснен. Так, во время допросов в НКВД Н.В. Некрасов утверждал, что он являлся секретарем ВВНР с 1910 по 1916 г. [3, с. 36]. Л. Хасс и В.И. Старцев полагали, что секретарские обязанности с 1916 г. выполнял А.Ф. Керенский [12, с. 152; 15, с. 160].

Для координации действий масонов на региональном уровне создавались местные советы. По уставу они могли быть образованы тогда, когда число лож в каком-либо населенном пункте достигало 5 [8, с. 62]. Первым, приблизительно в 1912 – 1913 гг., был создан Санкт-Петербургский областной совет. Его секретарем в разное время являлись левый кадет В.А. Оболенский и профессор Д.Н. Рузский [8, с. 62; 23, с. 448]. Кроме столицы во время Первой мировой войны местный совет был создан также в Киеве [8, с. 62].

Число лож после реорганизации российского масонства первоначально сократилось. По подсчетам В.И. Старцева из 94 членов лож ВВФ, имена которых удалось обнаружить, в ложи ВВНР перешли только 37 [15, с. 84]. Остальные или прекратили свою масонскую деятельность или продолжали ее на территории

Франции, оставаясь французскими масонами. Согласно А.И. Серкову численность реорганизованных российских лож в период расцвета дореволюционного масонства достигала 42 [5, с. 111]. Наибольшее число российских «вольных каменщиков» было в Санкт-Петербурге, где существовало около 11 лож. На втором месте была киевская организация с 7 ложами, на третьем – Вильно с 5-ю [5, с. 111; 16, с. 1139; 17, с. 54; 20, с. 66]. Всего ячейки ВВНР возникли в 18 городах. Общее количество членов организации достигало 350–400 человек [5, с. 111–112]. В.И. Старцев доподлинно установил фамилии только 104 «братьев», из них 67 участвовали в работе столичных лож, а 41 – провинциальных [15, с. 109]. Таким образом, на сегодняшний день возможна лишь приблизительная оценка размаха и влияния российского политического масонства.

Значительное развитие масонское движение получило на территории Северо-Западного края. В 1910 г. по инициативе кадетов братьев И. и Г. Роммов в Вильно была создана ложа «Единство» [17, с. 54; 24, с. 271]. В нее вошли представители всех национальных групп региона, в т. ч. и белорусы – бывшие деятели Белорусской социалистической громады (БСГ) В.У. Ластовский, братья И.И. и А.И. Луцкевичи. Мотивы белорусских социалистов раскрыл в своих собственноручных показаниях, данных НКВД в 1939 – 1940 гг., А.И. Луцкевич. Согласно ему: «... с русским либеральным обществом следовало завязать контакт, тем более, что там имелись лица, интересовавшиеся белорусским вопросом и сочувствовавшие белорусам» [24, с. 271]. В 1911 г. в Вильно была сформированы еще две масонские ложи – «Белый Рутений» и «Литва» [16, с. 1139; 17, с. 54]. По мнению А.И. Серкова, создание ложи «Литва» произошло при участии ВВФ. С помощью французского ордена была образована ложа и среди польских уроженцев Санкт-Петербурга – «Белый Орел» [5, с. 106].

В 1913 г. произошло размежевание по национальному признаку и в ложах Вильно. Масоны-поляки вышли из лож «Единство» и «Литва», создав собственную ложу под названием «Верный Литвин». Причину кризиса виленского масонства некоторые исследователи усматривают в смене политической ориентации «братьев» польской национальности с автономистской на независимую: освобождение от царизма они связывали с созданием самостоятельного польского государства [17, с. 56–57]. Последствия раскола были преодолены довольно быстро, в скором времени ложи ВВНР в Вильно восстановили свои ряды. В октябре 1914 г. в столице края было создано очередное масонское подразделение – ложа «Беларусь» [17, с. 55; 19, с. 64]. Кроме того, масонские группы работали в Минске и Витебске [17, с. 56; 19, с. 65]. Членом витебской масонской ложи был знаменитый художник М. Шагал [15, с. 145].

Белорусские масоны в своей деятельности придерживались краевой идеологии. В ее основе лежал принцип политической нации, согласно которому все сознательные «граждане» края составляли одну нацию независимо от своего национального происхождения и вероисповедания. Данная идеология, заостренная против этнического шовинизма, не мешала «братьям» действовать в рамках своих национальных политических партий [17, с. 53]. М. Ромер полагал: «Партыі маюць свае уласныя задачы, вырашэнне якіх неабходна для прагрэсіўнага развіцця чалавецтва. Калі кірунак і дзейнасць партыяў не пярэчаць выразна нашым прынцыпам, то нам няма ніякае справы да партыйнае прыналежнасці нашых братоў» [20, с. 61]. Масонов Северо-Западного края объединяли идеи установления парламентской республики и введения автономии «исторической Литвы» (*т. е. и Беларуси. – Д.Л.*) в составе российской федерации [17, с. 53].

Кроме национальных лож, используя опыт российского масонства 1906 – 1909 гг., Верховный совет ВВНР создавал и профессиональные ложи. Известны

литературная, военная и думская ложи. В литературную ложу входили писатели и журналисты левой ориентации: историки А.В. Карташев и В.Я. Богучарский, журналист Н.Н. Суханов и др. [5, с. 117; 6, с. 65; 8, с. 59]. Для привлечения видных представителей творческой интеллигенции образовывались ложи по принципу «полезности» того или иного лица для ордена. Например, специальные ложи были открыты для Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, а также для С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кусковой. Через них влияние ВВНР распространялось на Петербургское религиозно-философское общество, Техническое общество и Вольное экономическое общество [5, с. 117; 6, с. 65].

В военную ложу входили отдельные радикально настроенные офицеры (А.А. Свечин, В.В. Теплов, С. Д. Мстиславский и др.) [6, с. 65; 8, с. 60; 15, с. 115-116]. По воспоминаниям А.Я. Гальперна, особой деятельности данная ложа не проявила и в 1914 – 1915 гг. распалась [8, с. 60].

Особое положение в ВВНР занимала думская ложа. В IV Государственной думе насчитывалось свыше 20 масонов. Среди «братьев» преобладали кадеты (А.М. Колюбакин, Н.В. Некрасов, В.А. Виноградов, Н.К. Волков, И.П. Демидов и др.). Представлены в думской ложе были также лидеры прогрессистов (И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов), трудовиков (А.Ф. Керенский) и меньшевиков (Н.С. Чхеидзе) [5, с. 116-117]. Стремясь к объединению левой оппозиции в нижней палате, думская группа масонов заботилась о сглаживании различных межфракционных конфликтов и о совместном выступлении депутатов по ряду вопросов. Сотрудничество социал-демократов и трудовиков с либералами в Думе объясняется также желанием использовать масонские связи для сбора подписей под запросами правительству. Для внесения последних необходимо было собрать минимум 33 подписи, в то время как общее количество социал-демократов и трудовиков было меньше этой цифры [8, с. 33].

Новый период в истории российского политического масонства начался с Первой мировой войной. Большинство лож ВВНР встало на патриотические позиции. Многие видные российские «вольные каменщики» активно включились в дело обороны страны. Например, секретарь Верховного совета А.М. Колюбакин добровольцем отправился в действующую армию и в начале 1915 г. погиб от случайной пули [25, с. 262]. Отвлеченные значительных сил масонства на обслуживание военных нужд привело к временной дезорганизации ВВНР. Количество лож сократилось. В.И. Старцев подсчитал, что 10 из 38 лож, действовавших в начале войны, распались [15, с. 113]. В то же время прием новых адептов в орден не прекращался. По свидетельству Н.В. Некрасова к февралю 1917 г. в ячейках ВВНР состояло 300-350 человек [3, с. 38].

Великодержавные настроения российских масонов отразились на взаимоотношениях Верховного совета с национальными ложами. В октябре 1914 г. в Петрограде состоялся конвент, в котором приняли участие более 30 делегатов со всей России [17, с. 55]. Главным пунктом повестки был вопрос об отношении к войне. Кадеты, поддержанные А.Ф. Керенским и представителем меньшевиков, выступили за «войну до победного конца». Виленский делегат М. Ромер, напротив, указал, что среди национальных меньшинств, в частности поляков, «урпатриотичекая» пропаганда успеха иметь не будет. По его мнению, российское масонство должно было стремиться к скорейшему окончанию войны. Точку зрения Ромера от имени белорусов поддержал А.И. Луцкевич, к ней примкнули и украинские делегаты [17, с. 56; 24, с. 271-272]. Однако большинство «братьев» проголосовало за резолюцию с пожеланием победы Антанты [17, с. 56].

В конце 1914 – начале 1915 г. трения внутри масонства Северо-Западного края приняли характер литовско-белорусского конфликта. Литовские масоны

добивались создания автономной Литвы на этнических литовских землях, в которые включались также районы с преобладающим католическим населением Гродненской и Минской губерний. Белорусские «вольные каменщики» отстаивали идею автономии «исторической Литвы», т. е. всех земель бывшего Великого княжества Литовского. Вместе с тем, разница во взглядах на войну и будущее Беларуси и Литвы привела к разрыву виленских масонов с ВВНР. Последним актом их сотрудничества с орденом было участие в масонском конвенте в Петрограде, состоявшемся в мае 1915 г. [17, с. 56]. После занятия Вильно германскими войсками остатки виленских лож объединились в новую самостоятельную организацию – Великий Восток Литвы. Руководители последнего сыграли главную роль в создании Временного Совета Конфедерации Великого княжества Литовского, выпустившего универсал и обращение с призывом создания Белорусско-литовского государства. Вскоре после этого виленские масоны временно «заснули» [17, с. 57].

Несмотря на внутренние противоречия, во время войны произошло расширение влияния ВВНР на общественные организации и государственные учреждения. Масоны заняли ряд важных постов в руководстве военно-промышленных комитетов (ВПК), Земского и Городского союзов [14, с. 236-237]. Н.Н. Берберова в список мест, где «вольные каменщики» всегда могли найти единомышленников, включает: французское посольство в Петрограде, Государственный совет, рабочую группу при Центральном ВПК, Московскую городскую думу, Торгово-промышленный союз, тверское земство и т. п. В число лиц лоббировавших интересы ордена, по ее мнению, входили министр народного просвещения П.Н. Игнатьев, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, министр иностранных дел Н.Н. Покровский и ряд общественных деятелей октябристского направления [11, с. 28-30]. Следует однако отметить, что никаких убедительных фактов подтверждающих принадлежность данных лиц к российскому масонству Берберова не приводит. А.И. Серков выделяет несколько масонских центров в Петрограде, где служили и работали «вольные каменщики»: 1) Петроградская городская дума; 2) вузы (Психоневрологический институт, Высшие женские курсы, Высшие курсы П.Ф. Лесгафта); 3) Петроградская судебная палата и Петроградский коммерческий суд. По замечанию историка, аналогичная ситуация была и в Москве [5, с. 117-118]. На территории Беларуси под сильным масонским влиянием, вероятно, находилось Белорусское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны, в состав руководства которого входили видные представители местного масонства, в т. ч. В.У. Ластовский и А.И. Луцкевич [26, с. 2].

Неудачи российской армии весной – летом 1915 г. способствовали усилению оппозиционности ВВНР. В идеологии российских масонов преобладали республиканские настроения. Характерной чертой была «ненависть к трону, к монарху лично» [8, с. 63]. А.Ф. Керенский писал, что усилия ордена были направлены на установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федеративного устройства государства [22, с. 63]. Лидеры российского масонства были в оппозиции к слишком умеренной тактике Прогрессивного блока. В противовес ему они стремились создать «левый блок из кадетов и других революционных групп» [5, с. 120; 8, с. 66]. По инициативе А.Ф. Керенского предпринимались попытки к образованию «Всероссийского союза беспартийной интеллигенции». В основу программы данной организации планировалось положить республиканские установки, в целом она должна была стоять левее кадетов [14, с. 239]. Не исключена причастность масонов и к созданию инициативной группы Российской радикально-демократической партии,

также придерживавшейся идеи союза левых либералов с социалистическими элементами.

В то же время российские масоны отвергали революционный путь борьбы. В этом отношении характерен эпизод с эсером С. Д. Мстиславским. Когда осенью 1915 г. он заявил о необходимости организации «заговора на жизнь государя», то большинство «братьев» отнеслось к его предложению «в высшей степени отрицательно» [5, с. 119; 8, с. 65-66]. В.А. Оболенский вспоминал: «Среди масонов были, конечно, люди, желавшие революции и занимавшиеся революционной пропагандой. Но много было и ее противников. Большинство... во всяком случае отвергало революцию во время войны» [23, с. 449].

В связи с антиправительственной деятельностью российских масонов особый интерес вызывает т. н. диспозиция № 1. Данный документ написан от имени «Комитета народного спасения» в Москве и датирован 6 сентября 1915 г. Состоит он из 12 пунктов, суть которых сводится к признанию необходимости политического переворота для победы в войне и создания с этой целью законспирированной, строго централизованной организации. Ее руководителями диспозиция назначала А.Ф. Керенского, А.И. Гучкова и лидера Земского союза Г.Е. Львова, под «верховным управлением» А.И. Гучкова [27, с. 212-213].

Исследователи сходятся во мнении, что стиль документа масонский, но его происхождение вызывает сомнение. Не подтверждается фактами и принадлежность к «вольным каменщикам» Г.Е. Львова и А.И. Гучкова. Если О.Ф. Соловьев считал, что ко времени назначения главой Временного правительства Львов несомненно был масоном, то В.И. Старцев, напротив, полагает, что он не входил в масонскую ложу [6, с. 95; 14, с. 254; 15, с. 172]. Последняя точка зрения подтверждается и свидетельством внучатого племянника Львова Н.В. Вырубова, утверждавшего, что мистическая вера главы Земского союза в силы русского народа существенно отличала его от масонов, склонных видеть спасение на Западе [28, с. 15]. Еще большие разногласия вызывает масонство А.И. Гучкова. В.С. Брачев, ссылаясь на «Биографический словарь русских масонов XX столетия» Н.Н. Берберовой, зачисляет лидера октябристов в «вольные каменщики» [6, с. 95]. О.Ф. Соловьев и В.И. Старцев придерживаются противоположного взгляда [14, с. 228; 15, с. 111, 157]. Действительно глава «Союза 17 октября» был слишком правым для леволиберального ВВНР, его членство в ордене привело бы к конфронтации с масонами-социалистами.

В масонском происхождении диспозиции № 1 заставляет сомневаться и опубликованная А.Я. Аврехом в книге «Масоны и революция», найденная им в архиве, диспозиция № 2. Масонского в ней мало. По мнению историка, обе «диспозиции» были своеобразным отражением реакции цензовой общественности на бесцеремонный роспуск правительством IV Государственной думы 3 сентября 1915 г. [10, с. 93-96].

В 1916 г. российские масоны приняли активное участие в борьбе Прогрессивного блока и общественных организаций с министерством внутренних дел за контроль над кооперативным движением. К этому времени количество пайщиков потребительских обществ России составляло 6815 тыс. По замечанию О.Ф. Соловьева, масонам было весьма заманчиво подключить столь массовую организацию к выполнению определенных политических задач [14, с. 242].

Важной стороной деятельности масонских организаций в России являлось проведение агитационных кампаний. Главной из них была кампания по поводу роли Г.Е. Распутина при дворе. Началась она еще в 1913 – 1914 гг. Верховный совет ВВНР размножал и распространял брошюры и другие материалы, направ-

ленные против «старца» [8, с. 40]. Деятельность масонов способствовала дискредитации правящей династии.

Отдельные российские «вольные каменщики» приняли участие в обсуждении и подготовке планов дворцового переворота. В масонской среде центром заговора считалась ложа Верховного совета. По поручению руководства ВВНР А.Ф. Керенский и другие видные «братья» объехали провинциальные города, в которых провели соответствующую агитацию. Также лидеры российского масонства собирали деньги на нужды дворцового переворота. Лишь после решительного протеста украинских масонов была прекращена работа в ложах по подготовке переворота и центр заговора переместился к группе А.И. Гучкова [5, с. 119-120; 8, с. 88, 92-93, 95-96]. Однако руководители Верховного совета через Н.В. Некрасова, входившего в состав заговорщиков, и других «братьев» были хорошо осведомлены о планах устранения Николая II. Так, А.Ф. Керенский сообщал в своих воспоминаниях: «Знали о заговоре и мы, руководители масонской организации, хоть и не были в курсе всех деталей, и тоже готовились к решающему моменту» [22, с. 106]. Эта подготовка завершилась учреждением накануне Февральской революции информационного центра левых партий с целью согласования действий оппозиции с революционными элементами, а также для информирования населения о результатах переворота [8, с. 70-71; 22, с. 106].

Летом 1916 г. в Петрограде состоялся последний масонский конвент в России. Заседания его проходили на квартире кадета В.А. Степанова и длились два дня. Кроме столичных, на конвенте были представлены масонские ложи Москвы, Киева, Екатеринбурга, Саратова, Харькова, Самары Одессы, Ревеля, Риги, Полтавы, Вильно и Витебска. Как указывалось выше, к этому времени связи виленских масонов с ВВНР фактически прервались, поэтому, скорее всего мандат от виленских лож был передан, как и мандат от Витебска, кому-то из петроградских масонов [8, с. 68]. Вначале на конвенте были заслушаны доклады Верховного совета о делах на фронте и сообщения с мест. Затем делегаты приступили к обсуждению общеполитических вопросов. Большая группа провинциальных масонов настаивала на переходе к революционным методам борьбы, указывая, что с царским правительством Россия не сможет победить в войне. Однако благодаря убедительным выступлениям Н.В. Некрасова, В.А. Степанова и А.Я. Гальперна, итоговая резолюция была составлена в «духе политики Верховного совета», т. е. без учета «революционного порыва» масонских низов [5, с. 114; 6, с. 70; 8, с. 68].

В 1916 г. усиливается интерес к российскому оппозиционному движению со стороны зарубежных масонских центров, которые предпринимают ряд попыток к установлению связи с отдельными представителями Прогрессивного блока. Так, Б.А. Энгельгардт во время пребывания в Париже в составе российской парламентской делегации весной 1916 г. получил открытку, на которой был изображен колокол русской церкви в Вене и надпись: «Призывайте к объединению всех народов». По замечанию самого Энгельгардта, послание являлось приглашением в масонскую ложу, однако из-за своих консервативных убеждений он отказался его использовать [19, л.57]. В то же время, представители ВВНР не были приглашены на Парижскую конференцию масонства держав Антанты, состоявшуюся 14-15 января 1917 г. Прибывший все-таки на нее масон В.В. Балавинский попытался добиться признания от ВВФ, но безуспешно [14, с. 258]. Французские масоны не хотели портить отношения с официальной властью в России.

С другой стороны, ВВНР все более терял свой масонский характер. А.И. Серков полагает, что окончательный отход ордена от масонства, даже в его

наиболее политизированных формах, произошел в январе – феврале 1917 г. Число лож сократилось до 28-30, но фактически вся работа велась лишь группой руководителей Верховного совета: А.Ф. Керенским, А.И. Коноваловым, Н.В. Некрасовым, А.Я. Гальперном и другими. На наш взгляд, исследователь делает правильный вывод о том, что накануне февральско-мартовских событий 1917 г. произошел переход от политического масонства к политической группе [5, с. 121-122].

Во время вооруженного восстания в Петрограде политические масоны приняли участие в создании Временного правительства. В дни восстания не было официальных заседаний «Великого Востока народов России», но его руководители – А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов и другие – держались вместе, советуясь по каждому вопросу [8, с. 71]. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, которые, не преувеличивая значения масонства в февральско-мартовские дни 1917 г., полагают, что оно сыграло большую роль в формировании первого буржуазного кабинета [1; 10; 14; 15].

На лидерство во Временном правительстве серьезно претендовал лидер кадетов П.Н. Милюков. Пять из двенадцати членов правительства принадлежали к Конституционно-демократической партии. П.Н. Милюков также рассчитывал на поддержку близко стоявшего к кадетам Г.Е. Львова и представителей консервативного крыла Думы – В.Н. Львова и И.В. Годнева. Однако решающую роль во Временном правительстве стали играть связи не партийного, а личного свойства. Именно благодаря им удалось выдвинуться А.Ф. Керенскому, который опирался на министров-масонов: А.И. Коновалова, Н.В. Некрасова и М.И. Терещенко. Кадетский лидер вспоминал, что все четверо были связаны «личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера» [29, с. 478].

Масонские ложи выступали ячейками новой власти и в провинции. А.Я. Гальперн говорил Б.И. Николаевскому: «...когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или какой-нибудь другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор» [8, с. 72]. Например, из состава местной масонской ложи было назначено большинство руководителей администрации Витебской губернии [8, с. 104].

Таким образом, российское политическое масонство являлось мощным фактором в борьбе за власть накануне и во время второй российской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. – 1990. – № 1.
2. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. – М., 1974.
3. Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов / Вст. ст. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. – 1998. – № 11-12.
4. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. – Париж, 1931.
5. Серков А.И. История русского масонства, 1845 – 1945. – СПб., 1997.
6. Брачев В.С. Русское масонство XX века. – СПб., 2000.
7. Катков Г.М. Февральская революция. – М., 1997.
8. Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю. Фельштинский. – М., 1990.
9. Ливчак Б.Ф. О политической роли масонов во второй русской революции // Политическая организация общества и современность. Сб. науч. трудов. – Свердловск,

1977. – Вып. 56. – С. 135-141; **Минц И.И.** Метаморфозы масонской легенды // История СССР. – 1980. – № 4. – С. 107-122; **Соловьев О.Ф.** Международный империализм – враг революции в России. – М., 1983; его же. Обреченный альянс. Заговор империалистов против народов России. 1914 – 1917 гг. – М., 1986; **Старцев В.И.** Революция и власть: Петроградский совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 года. – М., 1978. – С. 205-207; его же. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. – Л., 1980. – С. 121-129; За кулисами видимой власти / Под ред. **В.И. Старцева.** – М., 1984; **Старцев В.И.** Российское масонство XX века // Вопросы истории. – 1989. – № 6. – С. 30-50; **Бегун В.Я.** Рассказы о «детях вдовы». – 2-е изд. – Мн., 1986; **Замойский Л.** За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. – М., 1990.
10. **Аврах А.Я.** Мasons и революция / Предисловие **П.В. Волобуева.** – М., 1990.
  11. **Берберова Н.Н.** Люди и ложи. Русские мasons XX столетия. – Нью-Йорк, 1986.
  12. **Хасс Л.** Русские мasons первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы / Под ред. **В.В. Поликарпова.** – М.: Московский рабочий, 1990. – Выпуск 2. – С. 134-155.
  13. **Андреев Д.А.** Эволюция политической доктрины русского масонства // Вестник Московского университета. Серия 8. – 1993. – № 4. – С. 3-12; его же. Русская периодическая печать начала XX века о масонстве // Вестник Московского университета. Серия 8. – 1996. – № 1. – С. 27-38; **Карпачев С.П.** Масонская интеллигенция в России в конце XIX – начале XX века. – М., 1998; **Егошина В.Н.** Мasons и политика // Мasons в России: вчера... сегодня... завтра? ... – М., 1999. – С. 67-73; **Розенталь И.С.** Мasons и попытки объединения политической оппозиции в России начала XX века // Вопросы истории. – 2000. – № 2. – С. 52-67 и др.
  14. **Соловьев О.Ф.** Русское масонство 1730 – 1917 гг. / Под ред. **И.И. Минца.** – М., 1993.
  15. **Старцев В.И.** Русское политическое масонство начала XX века. Пособие к спец. курсу. – СПб., 1996.
  16. **Серков А.И.** Русское масонство. 1731 – 2000 гг. Энциклопедический словарь. – М., 2001.
  17. **Смалянчук А.** 3 гісторыі віленскага масонства XX ст. // Спадчына. – 1998. – № 6.
  18. **Сташкевіч М.С.** Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3-4.
  19. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, ф.1052, оп.1, д.29, л.55.
  20. Фрагменты Дзеньніку М. Ромэра / Пер. **А. Смалянчука** // Спадчына. – 1998. – № 5.
  21. Русское политическое масонство. 1906 – 1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира) / Вступ. ст. и коммент. **В.И. Старцева** // История СССР. – 1989. – № 6.
  22. **Керенский А.Ф.** Россия на историческом повороте: Мемуары. – М., 1996.
  23. **Оболенский В.А.** Моя жизнь, мои современники. – Париж, 1988.
  24. «Дело» Антона Луцкевича // Становление и крушение однопартийной системы в СССР / Под общ. ред. **Э.М. Энтина.** – Гомель, 1995.
  25. **Канищева Н., Нарский И.** Колюбакин Александр Михайлович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. Энциклопедия / Отв. ред. **В.В. Шелохаев.** – М., 1996.
  26. В обществах и собраниях // Вечерняя газета (Вильно). – 1915. – 15 мая.
  27. **Кругляков Б.** Диспозиция «Комитета народного спасения» // Красный архив. – 1928. – Т.26.
  28. **Львов Г.Е.** Воспоминания / Предисл. **Н.В. Вырубова.** – М., 1998.
  29. **Милюков П.Н.** Воспоминания. – М., 1991.

SUMMARY

The historiography and history of the Russian political freemasonry of the beginning of the 20th century are analyzed in the article. The objectives, the number and the structure of masonic organizations have been observed, the manifestation of their oppositional activity has been examined, special attention being payed to the masons' participation in formation in February, 1917.